

Жан – Мари РОЛАН де Ла Платьер

из ПИСЕМ

Составление и веб-публикация: редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения ©

Из письма Ролана Людовику XVI от 10 июня 1792 г.

Ваше величество, нынешнее состояние Франции не может долго продолжаться. Это состояние кризиса, напряжение которого достигло крайней степени. Необходимо, чтобы государство вышло из этого состояния с блеском, к которому ваше величество не может не стремиться, так как он является необходимым для государства. Удостоенный доверия Вашего величества и занимая пост, обязывающий меня говорить Вам правду, я осмелюсь высказать Вам ее целиком, ибо это обязанность, которую вы сами на меня возложили.

Французы добыли себе конституцию. Она создала недовольных и мятежников; большинство же народа хочет ее удержать и поклялось защищать ее ценою крови. Большинство народа с радостью взирало на войну, которая предоставляла ему способ укрепить конституцию. Но в то же время меньшинство, питаемое надеждой на успех, употребляло все усилия, чтобы одержать верх. Отсюда та междоусобная борьба, которая ведется против законов; это анархия, от которой стонут благонамеренные граждане и которую злоумышленники стараются использовать для клеветы на новый режим. В результате - вражда, всюду распространившаяся и всюду возбуждаемая, ибо нигде более не существует безразличных. Одни хотят торжества конституции, другие же изменения; одни действуют в целях ее поддержания, другие - в целях ее изменения.

Ваше величество пользовались большими прерогативами, которые Вы считали принадлежностью королевского сана. Воспитанный в идее сохранения этих прерогатив, ваше величество не могли благосклонно взирать на лишение Вас этих последних. Желание получить их обратно было так же естественно, как и сожаление об их уничтожении. Эти чувства, присущие человеческому сердцу, не могли не войти в расчеты врагов революции. Они рассчитывали на тайное покровительство с Вашей стороны до тех пор, пока обстоятельства не позволят вам выказать им явную поддержку. Эти планы не могли ускользнуть от народа и должны были возбуждать его недоверие... <...>

Может ли теперь Ваше величество открыто присоединиться к тем, кто претендует на изменение конституции, или же Ваше величество должны великодушно и безоговорочно посвятить себя делу ее торжества? Такова сущность вопроса, разрешение которого является, при современном положении вещей, неизбежным... <...>

В течение первого года революции народ видел в дворянах людей, ненавистных ему, благодаря притеснительным привилегиям, которыми они пользовались, но которых он был готов перестать ненавидеть после уничтожения этих привилегий, если бы только поведение, дворян с того времени не укрепило всех доводов в пользу того, чтобы бояться их и бороться с ними как со своими непримиримыми врагами. Параллельно с этим возрастала и приверженность к конституции. Народ не только был обязан ей осязаемыми благами, но и полагал, что конституция принесет ему в будущем еще большие блага, раз все те, которые привыкли заставлять его нести все тяготы, всеми силами стараются ее уничтожить или изменить.

Декларация прав сделалась политическим евангелием, конституция - религией, ради которой народ готов погибнуть. Вот почему рвение народа уже несколько раз заменяло собой закон, и когда последний недостаточно устрашал смутьянов, граждане сами позволяли: себе наказывать их. Именно поэтому имущества эмигрантов, или же людей, которых считали принадлежащими к их лагерю, подвергались грабежу, внушенному мстительностью. Именно поэтому столь многие департаменты были принуждены сурово поступить со священниками, которых общественное мнение осудило и которых оно иначе превратило бы в жертвы.

В этом столкновении интересов все чувства приняли оттенок страстности. Отечество не является только словом, которое воображению угодно было разукрасить; это существо, которому приносили жертвы, к которому с каждым днем все более и более привязываются, благодаря заботам, которые оно с собой несет. Это существо, которое было создано путем великих усилий, которое возникло среди тревог и которое любят столько же за то, что оно так многого стоит, так и за то, что на него возлагают столько надежд. Все удары, которые наносятся отечеству, приводят только к усилению привязанности к нему.

До каких же пределов дойдет этот энтузиазм теперь, в момент, когда все объединившиеся между собой внешние враждебные силы соединяются с внутренними интригами для того, чтобы нанести отечеству самые жестокие удары?

Брожение достигло крайних пределов во всех частях государства; оно закончится ужаснейшим взрывом, если только обоснованное доверие к намерениям вашего величества не сможет, наконец, успокоить это брожение. Но это доверие не сможет утвердиться на обещаниях. Это доверие должно иметь своей основой только факты.

Для французского народа очевидно, что его конституция сможет развиваться, что правительство будет иметь всю силу, в которой оно нуждается, лишь с того момента, когда, ваше величество, безусловно желая торжества этой конституции, поддержит законодательный корпус со всей силой исполнительной власти и уничтожит всякий предлог к народному беспокойству, всякую надежду для недовольных. Взять хотя бы два недавно изданных важных декрета: оба они существенно касаются общественного спокойствия и спасения государства; запоздание в их утверждении внушает недоверие и если это промедление продолжится, то оно создаст недовольных. Считаю своим долгом заявить, что при современном настроении умов это недовольство может повести ко всему.

Сейчас больше нет времени для отступлений, нет более средств выжидать. Революция к умам совершилась; она закончится ценою крови и будет кровью скреплена, если только мудрость не предупредит тех несчастий, которых еще можно избежать.

Я знаю, что может явиться мысль, будто все сделать и все удержать можно крайними мерами, но когда будет обнаружена сила для того, чтобы обуздать Национальное Собрание, когда по Парижу распространится ужас, а по окрестностям раздоры и оцепенение, - вся Франция поднимется с негодованием и, раздирая самое себя в ужасах гражданской войны, обнаружит мрачную энергию - мать добродетелей и преступлений, всегда гибельную для тех, кто ее вызвал...

Итак, настроение умов, ход вещей, политические соображения, интерес вашего величества - все это делает для вас неизбежной необходимостью соединиться с Законодательным Корпусом и отвечать пожеланиям народа...

Вас, Ваше величество, жестоко обманули, когда Вам внушили мысль отдалиться и не доверять народу, который так легко растрогать; постоянно волнуя, Вас довели до поведения, внушающего народу опасения. Пусть он увидит, что вы твердо решили охранять конституцию, с которой он связал свое благоденствие, и о вас вскоре будут возносить молитвы.

Поведение священников во многих местах служило поводом к поддержанию фанатизма недовольных. Оно вызвало мудрый закон против мятежников; пусть ваше величество утвердит этот закон, этого требует общественное спокойствие, и к этому же побуждает необходимость спасения священников. Если этот закон не вступит в силу, департаменты будут вынуждены заменить его жестокими мероприятиями, как это делается во многих местах, а возмущенный народ прибегнет к эксцессам. Все попытки наших врагов; волнения, которые обнаружились в столице; крайнее беспокойство, возбужденное поведением вашей стражи и поддержанное выражением удовольствия, выраженным ей вашим величеством в прокламации, крайне неполитичной при современных обстоятельствах; положение Парижа, его близость к границе - все это заставило почувствовать необходимость создания лагеря в его окрестностях. Эта мера, мудрость и необходимость которой поразила всех благомыслящих людей, ожидает только санкции вашего величества. Для чего же нужно, чтобы промедление придало этой санкции вид вынужденной, в то время как быстрота привлекла бы к вам все сердца?

Уже возражения главного штаба национальной гвардии Парижа против этой меры заставили думать, что он действовал по внушению свыше; уже декламации некоторых демагогов вызывают подозрение в их сношениях с заинтересованными в ниспровержении конституции лицами; уже общественное мнение сомневается в намерениях вашего величества. Еще маленькая отсрочка - и опечаленный народ будет видеть в своем короле друга и соучастника заговорщиков!

О небеса! Неужели вы поразили слепотой земные власти, неужели они никогда не будут слушать других советов, кроме тех, которые ведут к их гибели?

Я знаю, что суровый язык истины редко выслушивается у трона; я знаю также, что именно потому, что его там почти не слышно, революции становятся необходимыми. Я знаю, наконец, что этим языком я должен говорить с вашим величеством не только как послушный закону гражданин, но и как министр, удостоенный доверия Вашего величества и облеченный званием, которое его предполагает. Я не знаю ничего, что помешало бы мне выполнить по совести мой долг...

Жизнь ничто для человека, ставящего свой долг превыше всего. Но после счастья, которое дается его выполнением, единственное благо, к которому он чувствителен, - это доказать, что он исполнил свой долг с верностью, что и является первейшей обязанностью общественного деятеля.

Ролан

Из письма Ролана Национальному Конвенту, сентябрь 1792 г.

... Я знаю, какие нам предстоят бури. Враги свободы напрасно рычат вокруг нас; они чувствуют, что нас нужно атаковать в нашей же среде; они соединяют все свои усилия, чтобы нас разъединить, они распространяют тревогу, они возбуждают алчность, они пользуются обстоятельствами, чтобы волновать народ, они сеют тревогу по поводу продовольствия для того, чтобы приостановить его подвоз, вызвать голод и восстание. Люди пылкие, быть может, заблуждающиеся, считают свои страсти добродетелью и, полагая, что принести пользу свободе могут только они одни <...> доносят на всех не ими избранных, говорят только об измене, не желают ничего, кроме волнений, парализуют меч закона, чтобы на его место поставить нож гильотины. Они делают из своей смелости право, из страха, который они стараются внушить, они создают себе оплот; они жаждут силы, власти, которыми, по их мнению, они одни способны надлежащим образом пользоваться. Они хотят довести дело до анархии и до распада государства, несчастье которого состоит в том, что оно не имеет граждан, способных распознать этих людей и остановить их.

<...> Вам говорили о проектах диктатуры и триумvirата. Эти проекты существовали, ибо такие проекты возникают всегда, когда ниспровергается тирания. Это ее последняя попытка, это - форма, под которой она пытается возродиться в то время, когда всеобщая ненависть осуждает ее на смерть; она прикрывает свое отвратительное лицо маской патриотизма, но ее поступки ее выдают: видно, что она привлекает к себе, чтобы подчинить, и что она преследует всех тех, проницательного взора которых она боится.

Меня обвиняют в недостатке мужества и в том, что я внес в министерство проект покинуть Париж. Что касается первой части этого обвинения, то я спрошу: в чем было больше мужества в печальные дни, последовавшие за вторым сентября - доносить об убийствах или защищать убийц? Известно, как я выполнил свой долг, какая участь была мне приготовлена и с какой твердостью я ее ждал. Что касается второй части обвинения, то я его громогласно отрицаю, призывая в свидетели моих коллег, обвиняемых вместе со мной. Неправда, что никто из нас не подал голоса за оставление Парижа, но то, что соответствует действительности и что являлось мудрым и необходимым, - это то, что мы обсуждали вопрос о нужных для блага государства мерах, которые следует принять в случае приближения неприятеля к Парижу; мы обсуждали, не следует ли включить в число этих мер удаление принадлежащих всей Франции Национального Собрания, государственного казначейства, исполнительной власти и самого короля, и не будет ли спасение Парижа более обеспечено эвакуацией тех предметов, нападение на которые, их рассеяние и уничтожение является главной целью врага? Конечно, этот важный вопрос заслуживал быть предметом обсуждения, и мы были бы недостойными народа министрами и бездарными администраторами, если бы не сочли нужным предвидеть все это и распространить наши заботы по обороне по ту сторону стен Парижа. Клеветают, на народ те люди, которые думают, что он обрек бы на общую, погибель вместе с ним все, средств, остающиеся еще для служения Франции. Население Парижа знает, что государство не заключается только в нем, что оно может существовать и без него, и на краю пропасти, даже мужественно бросаясь в нее, - оно все же спасло бы своими собственными руками все то, что могло бы послужить на благо Франции.

Без сомнения, Париж оказал большие услуги свободе, и потому нельзя позволить слепцам и подкупленным людям, чтобы ее там задушили и заковали в цепи во имя народа, который они ввели в заблуждение. Именно потому Париж должен ограничить себя одной восьмью третью долей влияния, так как более значительное влияние могло бы возбудить опасения, а ничто не было бы вреднее для Парижа, как недовольство и недоверие департаментов. Именно потому, что Париж оказал услуги свободе, необходимо обеспечить ему пользование ею путем полного равновесия и самого тесного единения между всеми частями государства. Поэтому не следовало бы допускать, чтобы какая-нибудь депутация, как бы многочисленна она ни была, претендовала получить над Конвентом какое бы то ни было влияние. Хорошие законы могут являться плодом лишь мудрого и зрелого обсуждения, а таковое может иметь место лишь при наличии полной независимости и самой неограниченной свободы мнений. Вот почему Конвенту нужна вооруженная сила, которая бы принадлежала не Парижу и не какому бы то ни было другому городу, а всей республике, ибо Конвент есть представительство всей республики, и он не может быть подчинен какой-либо части республики без того, чтобы это, не оказалось чем-то чудовищным, уродливым, затруднительным и приносящим неисчислимы бедствия.

Таковы истины, которые необходимо высказать, потому что они касаются безопасности, мира и благоденствия Франции.

Письмо Ролана Национальному конвенту от 18 ноября 1792 г.

*Председателю Национального Конвента
от одного из граждан*

Я сбрасываю с себя звание министра потому, что оно стесняет свободу облакаемого им человека, потому, что считаю полезным для общественного дела использовать в данное время все права гражданина и свободного человека, чтобы разбить предрассудки, действие которых было бы пагубно для Франции.

Комитет земледелия и торговли представил проект декрета, который мне, имеющему некоторый опыт в управлении, кажется очень вредным. Путешествия по Европе, предпринятые с целью изучения духа народов, их торговых сношений и, в особенности, происхождения и развития того духа, который может и должен интересы частные сделать основанием интереса общественного, — все это, а также и история Англии и наша собственная, как и великие идеи Тюрго и несчастные ошибки Неккера — все это доказывает, что ни одно правительство никогда не вмешивалось в какой бы то ни было вид торговли или промышленности без того, чтобы, вследствие конкуренции с частными лицами, не потерпеть огромных убытков заслужив еще при этом и всеобщее осуждение. Все это доказывает, что всякий раз, когда правительство пыталось вмешаться в дела частных лиц, регламентировать формы или способы пользования собственностью, видоизменять их по своей доброй воле, это стесняло промышленность, удорожало рабочий труд и вырабатываемые этим трудом предметы. Особенно сказывается это в области продовольственного вопроса потому, что, касаясь предметов первой необходимости, он затрагивает интересы громадного количества людей, и нет ни одного человека, который бы не был в нем заинтересован. Стеснения предвещают, порождают, готовят, умножают и распространяют недоверие, а в свободной стране доверие есть единственное средство привести в действие административный механизм.

Сила, какие бы средства принуждения, ни изобретали, может применяться лишь в критические моменты, во время волнений, при буйных и необдуманных движениях. При последовательной же работе, в процессе постоянной деятельности, применение силы вызывает необходимость ее непрерывного использования, оно делает ее необходимостью, умножает и беспрерывно отягчает ее до того, что скоро пришлось бы вооружить одну половину нации против другой. Таково действие декретов, которые преследуют цель стеснить то, что справедливость и здравый смысл повелевают оставить свободным. Всякая вынужденная декларация, особенно же в области продовольственного дела, будет необходимо лживой и сделает неизбежным применение насилия. Всякий приказ доставить товар туда или сюда, в том или другом количестве, продавать в таком-то месте, а не в каком-либо другом и в такие-то часы для одних и в такие-то для других, — все это создаст затруднения, а потому повлечет за собой произвол и станет стеснительным. Собственник сперва обеспокоится, затем разочаруется, и, наконец, вознегодует. Это вызовет возмущение и восстание народа. Сокровищница благоденствия будет истощена, и Франция сделается жертвой продолжительной и жестокой смуты. Этот декрет, несущий с собою насилие, будет страшным оружием, которым не замедлят овладеть нанят недоброжелатели. Уже декрет от 16 сентября, предписывающий учет хлеба и разрешающий применение силы для его выполнения, вызывает переполох и благоприятствует возникновению волнения. Еще новые стеснения, еще новое применение власти для их поддержания — и тогда я не знаю той человеческой силы, которая сможет прекратить беспорядки. У нас не достаточно, себе представляют, что в управлении и в законодательстве, как и в механике, сложность устройства стесняет движение, замедляет или ослабляет действие. За неимением плана, основанного на исторических фактах и результатах расчета, на сумме всех подлежащих применению моральных и физических средств, наш кодекс оказывается перегруженным такими статьями, из которых одни предназначены для исправления других. Отсюда следует возможность путаницы в их истолковании, а применение их становится одинаково трудным и опасным. Затруднения подобного рода чрезвычайно серьезны в законодательстве по продовольственному вопросу, которое легко обращается, в арсенал смертоубийственного оружия, одинаково доступного всем партиям.

Председатель представителей великого народа, покажите, что делать малое — есть величайшее искусство и что управление состоит, как и воспитание, главным образом в том, чтобы предупреждать зло и противодействовать ему отрицательным способом, дающим возможность полного развития всем способностям, ибо от этого зависит всякого рода благополучие. Единственно, что должно себе позволить в продовольственном деле Собрание, это провозгласить, что оно не должно ничего предпринимать, что оно упраздняет все стеснения, объявляет полнейшую свободу обращения продуктов, не предопределяет никаких действий, но вместе с тем самым решительным образом будет противодействовать всякому, кто покусится на эту свободу. Слава и безопасность Конвента представляются мне связанными с этим актом справедливости и разума, и мне кажется, что от него зависит мир и счастье наций.

Количество моих аргументов неисчислимо, но я стеснен временем и местом и ограничусь лишь тем, что прилагаю при сем замечания, которые я счел должным адресовать Парижской Коммуне, вместе с воззванием исполнительной власти, а также и мое письмо Конвенту о посылке этих воззваний — они помогут выяснению моих взглядов. Мне казалось, что они в достаточной мере достойны внимания, и я не могу поэтому не выразить своего удивления перед тем, что комитет, облеченный обязанностью выработать проект декрета, от которого зависит судьба Франции, уклонился от того, чтобы выслушать меня по части управления, в которой столь же важно собрать различные мнения, как и взвесить их основательность, дабы гарантировать себя от ошибки и не стать жертвой промаха.

Благодарзанию Собрания передаю я свои представления и предметы моих важнейших забот; сообщить их ему — мой долг гражданина, который я и выполняю настоящим письмом.

Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la Revolution Francais. t.XX, pp.405-408.

Приведено по:

Захер Я.М. Французская революция в документах. 1789-1794.

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1926.

Письмо Ролана Национальному конвенту от 23 ноября 1792 г.

Господин председатель!

Прилагаю при сем для, передачи Национальному Конвенту два отчета о настоящем продовольственном положении Парижа, первый из них есть отчет, представленный 17-го сего месяца Генеральному Совету Коммуны продовольственным управлением; второй же представляет из себя подробную опись имеющихся налицо на 20-е число того же месяца запасов зерна и муки, предназначенных для потребления столицы. Было бы хорошо, по мере возможности, распространить содержание этих двух отчетов, дабы успокоить народные массы в виду тех опасений, которые им стараются внушить по поводу продовольственного вопроса.

Собрание увидит, что нам не приходилось бы ничего опасаться, если бы народное доверие предоставило обращению товаров ту свободу, которая для него необходима; но нам приходится ждать всего худшего, так как доверия этого не существует и администрация Парижской Коммуны способна его все более и более ослабить и в конце концов совсем уничтожить. Слабость муниципального корпуса или же его неудачно рассчитанное желание предоставить некоторые льготы жителям Парижа, побудили его продавать муку по таксе гораздо более низкой, нежели ее настоящая покупная цена. Начиная с этого момента, все окрестные жители стали запасаться продовольствием в Париже, из которого, таким образом, стали все вывозить вместо того, чтобы его снабжать. Вследствие этого распоряжения, муниципалитет ежедневно тратит 12.000 ливров; расход этот разоряет его и под видом мнимых и кратковременных выгод на самом деле наносит двойной ущерб: во-первых, излишком расходов, которые в конечном счете падут бременем на тот же народ с другой стороны, это служит приманкой для соседей, которые вывозят из Парижа все то, что необходимо для его снабжения.

Таким же точно образом установление твердых цен на дрова внесет расстройство в этот вид торговли и вызовет дровяной голод. Я вовсе не хочу осуждать намерений муниципалитета, я не думаю, чтобы действия его были вызваны желанием добиться популярности или же стремлением вызвать бедствия, которые потом будут предусмотрительно отнесены на счет высшей администрации, но я настаиваю на том, что подобный образ действий никуда не годится, ибо он потворствует ради обмана и под видом мимолетного блага готовит тяжелые бедствия.

Я, поскольку это возможно, забочусь об общем снабжении продовольствием, но заявляю, что не могу отвечать за что бы то ни было, раз злонамеренные распоряжения мешают моим работам.

Фермеры и земледельцы не рискуют более показываться на базаре, вывезти или продать мешок зерна; каждый боится подвергнуться насилию, под предлогом обвинения в скупке и, таким образом, живя среди изобилия, мы почти что погибаем от нищеты, Вот каковы плоды смуты, волнений, вечных декламаций, посредством которых возбуждают умы и распространяют угрозы и страх. Негодяи возмущаются, глупцы приходят в ужас: я буквально осажден жалобами, упреками, постановлениями Коммуны, которая, кстати сказать никогда не отвечает ни на мои к ней письма, ни на предлагаемые ей мною вопросы. Секции под ее давлением действуют таким же точно образом; все отрасли управления запущены. Я вновь принужден указать, пусть даже рискуя при этом своей головой, на ужасную разруху; необходимо спасти общественное дело или же я готов погибнуть вместе с ним.

Конвенту нужно, наконец, принять соответствующие меры для того, чтобы управление Парижем было вверено разумным лицам, не жертвующим ради эфемерной популярности, личных интересов или мести, миром и безопасностью этого города. Сорок тысяч квинталов зерна отправлены из Гавра в Париж. Если волнения, неизбежно связанный с ними страх и сопровождающий их ропот, помешают прибытию этих запасов, мы будем страдать от голода, и виной тому будет исключительно наша слабость, помешавшая нам установить справедливый режим, преследующий врагов и покровительствующий безопасности, собственности и наибольшей свободе торговли. Наконец, я осмеливаюсь утверждать, что дух Парижской Коммуны погубит, в конце концов, не только столицу, но и самый Конвент, если только этот последний не примет решительных мер против бесконечных волнений в секциях, непрерывности их заседаний, сеющих лишь смуту и дезорганизацию и не положит наконец предела существованию самой Коммуны, этого очага всяких интриг.

© Vive Liberta

Министр внутренних дел Ролан.

Приведено по:

Е. В. Т а р л е. Рабочий класс во Франции в эпоху революции.

Т. II, с. 564—566.

Ж.-М.Ролан. О контрреволюционной роли духовенства: речь в Законодательном собрании 16 апреля 1792 г.